КНИГИ ДЛЯ ВНЕКЛАССНОГО ЧТЕНИЯ

Михаил Пришвин

МОЯ РОДИНА

Рассказы

#эксмодетство

Моя Родина. Рассказы
Михаил Михайлович Пришвин

Аннотация
Михаил Пришвин. Моя Родина. Рассказы
Журка
Луговка
Пиковая Дама
«Изобретатель»
Ребята и утята
Ёж
Моя Родина. (Из воспоминаний детства)
Выскочка
Осеннее утро
Этажи леса
Лисичкин хлеб
Золотой луг
Филин
Белый ожере́лок
Беличья память

Аннотация

В сборник вошли 14 чудесных и удивительных рассказов Михаила Пришвина, которые расскажут о природе и жизни «братьев наших меньших». А заодно научат терпению, изобретательности, верности, любви, уважению и дружбе.

В формате PDF A4 сохранен издательский макет.

Михаил Пришвин
Моя Родина. Рассказы

© М. Пришвин, текст, наследники, 2022
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2025
Иллюстрации Сергея Ярового

* * *

Журка

Раз было у нас — поймали мы молодого журавля и дали ему лягушку. Он её проглотил. Дали другую — проглотил. Третью, четвёртую, пятую, а больше тогда лягушек у нас под рукой не было.

— Умница! — сказала моя жена и спросила меня: — А сколько он может съесть их? Десять может?

— Десять, — говорю, — может.

— А ежели двадцать?

— Двадцать, — говорю, — едва ли…

Подрезали мы этому журавлю крылья, и стал он за женой всюду ходить. Она корову доить — и Журка с ней, она в огород — и Журке там надо, и тоже на полевые, колхозные работы ходит с ней, и за водой.

Привыкла к нему жена, как к своему собственному ребёнку, и без него ей уже скучно, без него никуда. Но только ежели случится — нет его, крикнет только одно: «Фру-фру!», и он к ней бежит. Такой умница!

Так живёт у нас журавль, а подрезанные крылья его всё растут и растут.

Раз пошла жена за водой вниз, к болоту, и Журка за ней. Лягушонок небольшой сидел у колодца и прыг от Журки в болото. Журка за ним, а вода глубокая, и с берега до лягушонка не дотянешься.

Мах-мах крыльями Журка и вдруг полетел. Жена ахнула — и за ним. Мах-мах руками, а подняться не может.

И в слёзы, и к нам: «Ах, ах, горе какое! Ах, ах!» Мы все прибежали к колодцу. Видим — Журка далеко, на середине нашего болота сидит.

— Фру-фру! — кричу я.

И все ребята за мной тоже кричат:

— Фру-фру!

И такой умница! Как только услыхал он это наше «фру-фру», сейчас мах-мах крыльями и прилетел. Тут уж жена себя не помнит от радости, велит ребятам бежать скорее за лягушками.

В этот год лягушек было множество, ребята скоро набрали два картуза[1]. Принесли ребята лягушек, стали давать и считать. Дали пять — проглотил, дали десять — проглотил, двадцать и тридцать, да так вот и проглотил за один раз сорок три лягушки.

---

[1] Notes: 1

Карту́з — головной убор с козырьком.

Луговка

Летят по весне журавли. Мы плуги налаживаем. В нашем краю старинная примета: в двенадцатый день после журавлей начинается пахота под яровое[2].

Пробежали вешние воды. Выезжаю пахать.

Наше поле лежит в виду озера. Видят меня белые чайки, слетаются. Грачи, галки — все собираются на мою борозду клевать червя. Спокойно так идут за мной во всю полосу белые и чёрные птицы, только чибис один, по-нашему, деревенскому, луговка, вот вьётся надо мной, вот кричит, беспокоится. Самки у луговок очень рано садятся на яйца. «Где-нибудь у них тут гнездо», — подумал я.

— Чьи вы, чьи вы? — кричит чибис.

— Я-то, — отвечаю, — свойский, а ты чей? Где гулял? Что нашёл в тёплых краях?

Так я разговариваю, а лошадь вдруг покосилась и — в сторону: плуг вышел из борозды. Поглядел я туда, куда покосилась лошадь, и вижу — сидит

---

[2] Notes: 2

Па́хота под яровóе — обработка земли весной для посева сельскохозяйственных культур.

луговка прямо на ходу у лошади. Я тронул коня, луговка слетела, и показалось на земле пять яиц. Вот ведь как у них: невитые гнёзда, чуть только поцарапано, и прямо на земле лежат яйца — чисто как на столе.

Жалко стало мне губить гнездо: безобидная птица. Поднял я плуг, обнёс и яйца не тронул.

Дома рассказываю детишкам: так и так, что пашу я, лошадь покосилась, вижу — гнездо и пять яиц.

Жена говорит:

— Вот бы поглядеть!

— Погоди, — отвечаю, — будем овёс сеять, и поглядишь.

Вскоре после того вышел я сеять овёс, жена боронит[3]. Когда я дошёл до гнезда, остановился. Маню жену рукой. Она лошадь окоротила, подходит.

— Ну вот, — говорю, — любопытная, смотри.

Материнское сердце известное: подивилась, пожалела, что яйца лежат беззащитно, и лошадь с бороной обвела.

---

[3] Notes: 3

Борони́ть — разрыхлять, обрабатывать вспаханную землю специальным сельскохозяйственным орудием — бороной.

Так посеял я овёс на этой полосе и половину оставил под картошку. Пришло время сажать. Глядим мы с женой на то место, где было гнездо, — нет ничего: значит, вывела.

С нами в поле картошку садить[4] увязался Кадошка. Вот эта собачонка бегает за канавой по лугу, мы не глядим на неё: жена садит, я запахиваю. Вдруг слышим — во всё горло кричат чибисы. Глянули туда, а Кадошка-баловник гонит по лугу пятерых чибисёнков, серенькие, длинноногие и

---

[4] Notes: 4
Сади́ть (*простореч.*) — сажать.

уже с хохолками, и всё как следует, только летать не могут и бегут от Кадошки на своих на двоих. Жена узнала и кричит мне:

— Да ведь это наши!

Я кричу на Кадошку; он и не слушает — гонит и гонит.

Прибегают эти чибисы к воде. Дальше бежать некуда. «Ну, — думаю, — схватит их Кадошка!» А чибисы — по воде, и не плывут, а бегут. Вот диво-то!

Чик-чик-чик ножками — и на той стороне.

То ли вода ещё была холодная, то ли Кадошка ещё молод и глуп, только остановился он у воды и не может дальше. Пока он думал, мы с женой подоспели и отозвали Кадошку.

Пиковая Дама

Курица непобедима, когда она, пренебрегая опасностью, бросается защищать своего птенца. Моему Трубачу стоило только слегка нажать челюстями, чтобы уничтожить её, но громадный гонец, умеющий постоять за себя и в борьбе с волками, поджав хвост, бежит в свою конуру от обыкновенной курицы.

Мы зовём нашу чёрную наседку за необычайную её родительскую заботу при защите детей, за её клюв — пику на голове — Пиковой Дамой. Каждую весну мы сажаем её на яйца диких уток (охотничьих), и она высиживает и выхаживает нам утят вместо цыплят. В нынешнем году случилось, мы недосмотрели: выведенные утята преждевременно попали на холодную росу, подмочили пупки и погибли, кроме единственного.

Все наши заметили, что в нынешнем году Пиковая Дама была во сто раз злее, чем всегда.

Как это понять? Не думаю, что курица способна обидеться на то, что получились утята вместо цыплят. И раз уж села курица на яйца, недоглядев, ей приходится сидеть, и надо высидеть, и

надо потом выхаживать птенцов, надо защищать от врагов, и надо всё довести до конца, — так она и водит их и не позволяет себе их даже разглядывать с сомнением: «Да цыплята ли это?»

Нет, я думаю, этой весной Пиковая Дама была раздражена не обманом, а гибелью утят, и особенное беспокойство её за жизнь единственного утёнка понятно: везде родители беспокоятся о ребёнке больше, когда он единственный…

Но бедный, бедный мой Грашка!

Это грач. С отломленным крылом он пришёл ко мне на огород и стал привыкать к этой ужасной для птицы бескрылой жизни на земле и уже стал подбегать на мой зов «Грашка», как вдруг однажды в моё отсутствие Пиковая Дама заподозрила его в покушении на своего утёнка и прогнала за пределы моего огорода, и он больше ко мне после того не пришёл.

Что грач! Добродушная, уже пожилая теперь, моя легавая Лада часами выглядывает из дверей, выбирает местечко, где ей можно было бы безопасно от курицы до ветру сходить.

А Трубач, умеющий бороться с волками! Никогда он не выйдет из конуры, не проверив острым глазом своим, свободен ли путь, нет ли вблизи где-нибудь страшной чёрной курицы.

Но что тут говорить о собаках — хорош и я сам! На днях вывел из дому погулять своего шестимесячного щенка Травку и, только завернул за овин[5], гляжу — передо мною утёнок стоит. Курицы возле не было, но я себе её вообразил и в ужасе, что она выклюнет прекраснейший глаз у

---

[5] Notes: 5

Ови́н — хозяйственная постройка для сушки снопов перед молотьбой.

Травки, бросился бежать. И как потом радовался — подумать только, я радовался! — что спасся от курицы!

Было вот тоже в прошлом году замечательное происшествие с этой сердитой курицей. В то время, когда у нас прохладными светло-сумеречными ночами стали сено косить на лугах, я вздумал немного промять своего Трубача и дать погонять ему лисичку или зайца в лесу. В густом ельнике, на перекрёстке двух зелёных дорожек, я дал волю Трубачу, и он сразу же ткнулся в куст, вытурил молодого русака и с ужасным рёвом погнал его по зелёной дорожке. В это время зайцев нельзя убивать, я был без оружия и готовился на несколько часов отдаться наслаждению любезнейшей для охотника музыкой.

Но вдруг где-то около деревни собака скололась[6], гон прекратился, и очень скоро возвратился Трубач, очень смущённый, с опущенным хвостом, и на светлых пятнах его была кровь (мастью он жёлто-пегий в румянах).

Всякий знает, что волк не будет трогать собаку, когда можно всюду в поле подхватить овцу. А если не волк, то почему же Трубач в крови и в таком необычайном смущении?

Смешная мысль мне пришла в голову. Мне представилось, что из всех зайцев, столь робких

---

[6] Notes: 6
Скол — потеря гончими следа зверя.

всюду, нашёлся единственный в мире настоящий и действительно храбрый, которому стыдно стало бежать от собаки.

«Лучше умру!» — подумал мой заяц. И, завернув себе прямо в пяту, бросился на Трубача. И когда огромный пёс увидел, что заяц бежит на него, то в ужасе бросился назад и бежал, не помня себя, чащей и обдирал до крови спину. Так заяц и пригнал ко мне Трубача.

Возможно ли это? Нет! С человеком так могло случиться, но у зайцев так не бывает.

По той самой зелёной дорожке, где бежал русак от Трубача, я спустился из леса на луг и тут увидел, что косцы, смеясь, оживлённо беседовали и, завидев меня, стали звать скорее к себе, как все люди зовут, когда душа переполнена и хочется облегчить её.

— Ну и дела!

— Да какие же такие дела?

— Ой-ой-ой!

И пошло, и пошло в двадцать голосов, одна и та же история, ничего не поймёшь, и только вылетает из гомона колхозного:

— Ну и дела! Ну и дела!

И вот какие это вышли дела. Молодой русак, вылетев из леса, покатил по дороге к овинам, и вслед

за ним вылетел и помчался врастяжку Трубач. Случалось, на чистом месте Трубач у нас догонял и старого зайца, а молодого-то догнать ему было очень легко. Русаки любят от гончих укрываться возле деревень, в омётах[7] соломы, в овинах. И Трубач настиг русака возле овина. Косцы видели, как на повороте к овину Трубач раскрыл уже и пасть свою, чтобы схватить зайчика…

[7] Notes: 7
Омёт — большая куча плотно уложенной соломы.

Трубачу бы только хватить, но вдруг на него из овина вылетает большая чёрная курица — и прямо в глаза ему. И он повёртывается назад и бежит. А Пиковая Дама ему на спину — и клюёт, и клюёт его своей пикой.

Ну и дела!

И вот отчего у жёлто-пегого в румянах на светлых пятнах была кровь: гонца расклевала обыкновенная курица.

«Изобретатель»

В одном болоте на кочке под ивой вывелись дикие кряковые утята. Вскоре после этого мать повела их к озеру по коровьей тропе. Я заметил их издали, спрятался за дерево, и утята подошли к самым моим ногам. Трёх из них я взял себе на воспитание, остальные шестнадцать пошли себе дальше по коровьей тропе.

Подержал я у себя этих чёрных утят, и стали они вскоре все серыми.

После из серых один вышел — красавец, разноцветный селезень, и две уточки, Дуся и Муся. Мы им крылья подрезали, чтобы не улетели, и жили они у нас на дворе вместе с домашними птицами: куры были у нас и гуси.

С наступлением новой весны устроили мы своим дикарям из всякого хлама в подвале кочки, как на болоте, и на них гнёзда. Дуся положила себе в гнездо шестнадцать яиц и стала высиживать утят. Муся положила четырнадцать, но сидеть на них не захотела. Как мы ни бились, пустая голова не захотела быть матерью.

И мы посадили на утиные яйца нашу важную

чёрную курицу — Пиковую Даму.

Пришло время, вывелись наши утята. Мы их некоторое время подержали на кухне, в тепле, крошили им яйца, ухаживали.

Через несколько дней наступила очень хорошая, тёплая погода, и Дуся повела своих чёрненьких к пруду, и Пиковая Дама своих — в огород за червями.

— Свись-свись! — утята в пруду.

— Кряк-кряк! — отвечает им утка.

— Свись-свись! — утята в огороде.

— Квох-квох! — отвечает им курица.

Утята, конечно, не могут понять, что значит «квох-квох», а что слышится с пруда, это им хорошо известно.

«Свись-свись» — это значит: «свои к своим».

А «кряк-кряк» — значит: «вы — утки, вы — кряквы, скорее плывите!»

И они, конечно, глядят туда, к пруду.

— Свои к своим!

И бегут.

— Плывите, плывите!

И плывут.

— Квох-квох! — упирается важная птица-курица на берегу.

Они всё плывут и плывут. Сосвистались, сплылись, радостно приняла их в свою семью Дуся: по Мусе они были ей родные племянники.

Весь день большая сборная утиная семья плавала на прудике, и весь день Пиковая Дама, распушённая, сердитая, квохтала, ворчала, копала ногой червей на берегу, старалась привлечь червями утят и квохтала им о том, что уж очень-то много червей, таких хороших червей!

— Дрянь-дрянь! — отвечала ей кряква.

А вечером она всех своих утят провела одной длинной верёвочкой по сухой тропинке. Под самым носом важной птицы прошли они, чёрненькие, с большими утиными носами, ни один даже на такую мать и не поглядел.

Мы всех их собрали в одну высокую корзинку и

оставили ночевать в тёплой кухне возле плиты.

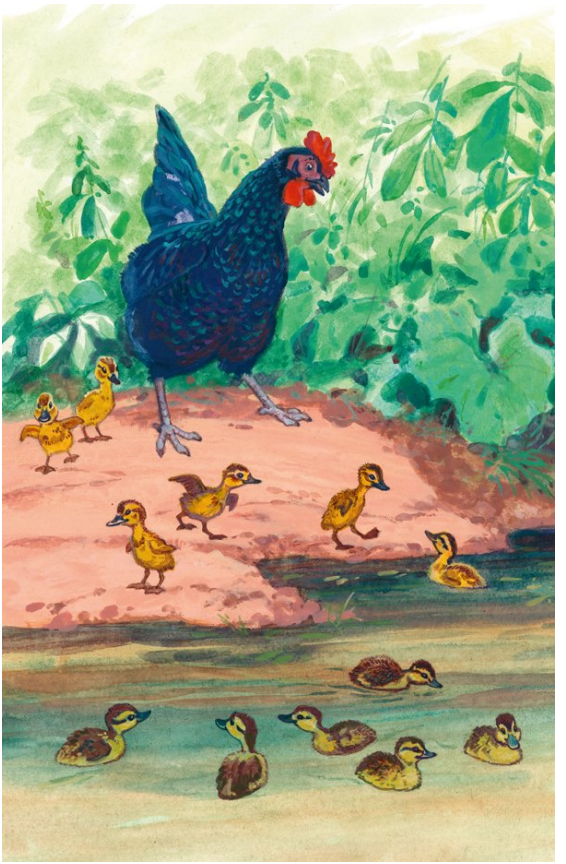
Утром, когда мы ещё спали, Дуся вылезла из корзины, ходила вокруг по полу, кричала, вызывала к себе утят. В тридцать голосов ей на крик отвечали свистуны. На утиный крик стены нашего дома, сделанного из звонкого соснового леса, отзывались по-своему. И всё-таки в этой кутерьме мы расслышали отдельно голос одного утёнка.

— Слышите? — спросил я своих ребят.

Они прислушались.

— Слышим! — закричали.

И пошли в кухню.

Там оказалось, Дуся была не одна на полу. С ней рядом бегал один утёнок, очень беспокоился и непрерывно свистел. Этот утёнок, как и все другие, был ростом с небольшой огурец. Как же мог такой-то воин перелезть стену корзинки высотой сантиметров в тридцать?

Стали все мы об этом догадываться, и тут явился новый вопрос: сам утёнок придумал себе какой-нибудь способ выбраться из корзины вслед за матерью или же она случайно задела его как-нибудь своим крылом и выбросила?

Я перевязал ножку этого утёнка ленточкой и пустил в общее стадо.

Переспали мы ночь, и утром, как только раздался в доме утиный утренний крик, мы — в кухню.

На полу вместе с Дусей бегал утёнок с перевязанной лапкой.

Все утята, заключённые в корзине, свистели, рвались на волю и не могли ничего сделать. Этот выбрался.

Я сказал:

— Он что-то придумал.

— Он изобретатель! — крикнул Лёва.

Тогда я задумал посмотреть, каким же способом этот «изобретатель» решает труднейшую задачу: на своих утиных перепончатых лапках подняться по отвесной стене. Я встал на следующее утро до свету, когда и ребята мои, и утята спали непробудным сном. В кухне я сел возле выключателя, чтобы сразу, когда надо будет, дать свет и рассмотреть события в глубине корзины.

И вот побелело окно. Стало светать.

— Кряк-кряк! — проговорила Дуся.

— Свись-свись! — ответил единственный утёнок.

И всё замерло. Спали ребята, спали утята.

Раздался гудок на фабрике. Свету прибавилось.

— Кряк-кряк! — повторила Дуся.

Никто не ответил. Я понял: «изобретателю» сейчас некогда — сейчас, наверно, он и решает свою труднейшую задачу. И я включил свет.

Ну, так вот я и знал! Утка ещё не встала, и голова её ещё была вровень с краем корзины. Все утята спали в тепле под матерью, только один, с перевязанной лапкой, вылез и по перьям матери, как по кирпичикам, взбирался вверх, к ней на спину. Когда Дуся встала, она подняла его высоко, на уровень с краем корзины. По её спине утёнок, как мышь, пробежал до края — и кувырк вниз! Вслед за ним мать тоже вывалилась на пол, и началась обычная утренняя кутерьма: крик, свист на весь дом.

Дня через два после этого утром на полу появилось сразу три утёнка, потом пять, и пошло, и пошло: чуть только крякнет утром Дуся, все утята к ней на спину и потом валятся вниз.

А первого утёнка, проложившего путь для других, мои дети так и прозвали Изобретателем.

Ребята и утята

Маленькая дикая уточка чирок-свистунок решилась наконец-то перевести своих утят из лесу, в обход деревни, в озеро на свободу. Весной это озеро далеко разливалось, и прочное место для гнезда можно было найти только версты за три, на кочке, в болотном лесу. А когда вода спа́ла, пришлось все три версты путешествовать к озеру. В местах, открытых для глаз человека, лисицы и ястреба, мать шла позади, чтобы не выпускать утят ни на минуту из виду. И около кузницы, при переходе через дорогу, она, конечно, пустила их вперёд. Вот тут их увидели ребята и зашвыряли шапками. Всё время, пока они ловили утят, мать бегала за ними с раскрытым клювом или перелётывала в разные стороны на несколько шагов в величайшем волнении. Ребята только было собрались закидать шапками мать и поймать её, как утят, но тут я подошёл.

— Что вы будете делать с утятами? — строго спросил я ребят.

Они струсили и ответили:

— Пустим.

— Вот то-то «пустим»! — сказал я очень сердито. — Зачем вам надо было их ловить? Где теперь мать?

— А вон сидит! — хором ответили ребята. И указали мне на близкий холмик парового[8] поля,

[8] Notes: 8

Парово́е поле (пар) — вспаханное поле, оставляемое на одно лето незасеянным.

где уточка действительно сидела с раскрытым от волнения ртом.

— Живо, — приказал я ребятам, — идите и возвратите ей всех утят!

Они как будто даже и обрадовались моему приказанию и побежали с утятами на холм. Мать отлетела немного и, когда ребята ушли, бросилась спасать своих сыновей и дочерей. По-своему она им что-то быстро сказала и побежала к овсяному полю.

За ней побежали утята — пять штук. И так по овсяному полю, в обход деревни, семья продолжала своё путешествие к озеру.

Радостно снял я шляпу и, помахав ею, крикнул:

— Счастливый путь, утята!

Ребята надо мной засмеялись.

— Что вы смеётесь, глупыши? — сказал я ребятам. — Думаете, так-то легко попасть утятам в озеро? Вот погодите, дождётесь экзамена в вуз. Снимайте живо все шапки, кричите «до свиданья»!

И те же самые шапки, запылённые на дороге при ловле утят, поднялись в воздух, все разом закричали ребята:

— До свиданья, утята!

Ёж

Раз шёл я по берегу нашего ручья и под кустом заметил ежа. Он тоже заметил меня, свернулся и затукал: тук-тук-тук. Очень похоже было, как если бы вдали шёл автомобиль.

Я прикоснулся к нему кончиком сапога — он страшно фыркнул и поддал своими иголками в сапог.

— А, ты так со мной! — сказал я и кончиком сапога спихнул его в ручей.

Мгновенно ёж развернулся в воде и поплыл к берегу, как маленькая свинья, только вместо щетины на спине были иголки. Я взял палочку, скатил ею ежа в свою шляпу и понёс домой.

Мышей у меня было много. Я слышал — ёжик их ловит, и решил: пусть он живёт у меня и ловит мышей.

Так положил я этот колючий комок посреди пола и сел писать, а сам уголком глаза всё смотрю на ежа. Недолго он лежал неподвижно: как только я затих у стола, ёжик развернулся, огляделся, туда попробовал идти, сюда, выбрал себе наконец место под кроватью и там совершенно затих.

Когда стемнело, я зажёг лампу, и — здравствуйте! — ёжик выбежал из-под кровати. Он, конечно, подумал про лампу, что это луна взошла в лесу: при луне ежи любят бегать по лесным полянкам. И так он пустился бегать по комнате, представляя, что это лесная полянка.

Я взял трубку, закурил и пустил возле луны облачко. Стало совсем как в лесу: и луна, и облако, а ноги мои были как стволы деревьев и, наверное, очень нравились ёжику: он так и шнырял между ними, понюхивая и почёсывая иголками задник у моих сапог.

Прочитав газету, я уронил её на пол, перешёл на кровать и уснул.

Сплю я всегда очень чутко. Слышу — какой-то шелест у меня в комнате. Чиркнул спичкой, зажёг свечку и только заметил, как ёж мелькнул под кровать.

А газета лежала уже не возле стола, а посредине комнаты. Так я и оставил гореть свечу, и сам не

сплю, раздумывая: «Зачем это ёжику газета понадобилась?» Скоро мой жилец выбежал из-под кровати — и прямо к газете; завертелся возле неё, шумел, шумел и наконец ухитрился: надел себе как-то на колючки уголок газеты и потащил её, огромную, в угол.

Тут я и понял его: газета ему была как в лесу сухая листва, он тащил её себе для гнезда. И оказалось, правда: в скором времени ёж весь обернулся газетой и сделал себе из неё настоящее гнездо. Кончив это важное дело, он вышел из своего жилища и остановился против кровати, разглядывая свечу — луну.

Я подпустил облака и спрашиваю:

— Что тебе ещё надо?

Ёжик не испугался.

— Пить хочешь?

Я встал. Ёжик не бежит.

Взял я тарелку, поставил на пол, принёс ведро с водой и то налью воды в тарелку, то опять вылью в ведро, и так шумлю, будто это ручеёк поплёскивает.

— Ну, иди, иди… — говорю. — Видишь, я для тебя и луну устроил, и облака пустил, и вот тебе вода…

Смотрю: будто двинулся вперёд. А я тоже немного подвинул к нему своё озеро.

Он двинется — и я двину, да так и сошлись.

— Пей, — говорю окончательно.

Он и залакал. А я так легонько по колючкам рукой провёл, будто погладил, и всё приговариваю:

— Хороший ты малый, хороший!

Напился ёж, я говорю:

— Давай спать.

Лёг и задул свечу. Вот не знаю, сколько я спал, слышу: опять у меня в комнате работа.

Зажигаю свечу — и что же вы думаете? Ёжик бежит по комнате, и на колючках у него яблоко. Прибежал в гнездо, сложил его там и за другим бежит в угол, а в углу стоял мешок с яблоками и завалился.

Вот ёж подбежал, свернулся около яблок, дёрнулся и опять бежит — на колючках другое яблоко тащит в гнездо.

Так вот и устроился у меня жить ёжик. А сейчас я, как чай пить, непременно его к себе на стол и то молока ему налью в блюдечко — выпьет, то булочки дам — съест.

Моя Родина
(Из воспоминаний детства)

Мать моя вставала рано, до солнца. Я однажды встал тоже до солнца, чтобы на заре расставить силки на перепёлок. Мать угостила меня чаем с молоком. Молоко это кипятилось в глиняном горшочке и сверху покрывалось румяной пенкой, а под той пенкой оно было необыкновенно вкусное, и чай от него делался прекрасным.

Это угощение решило мою жизнь в хорошую сторону: я начал вставать до солнца, чтобы напиться с мамой вкусного чаю. Мало-помалу я к этому утреннему вставанию так привык, что уже не мог проспать восход солнца.

Потом и в городе я вставал рано, и теперь пишу всегда рано, когда весь животный и растительный мир пробуждается и тоже начинает по-своему работать.

И часто-часто я думаю: что, если бы мы так для работы своей поднимались с солнцем! Сколько бы тогда у людей прибыло здоровья, радости, жизни и счастья!

После чаю я уходил на охоту за перепёлками, скворцами, соловьями, кузнечиками, горлинками, бабочками. Ружья тогда у меня ещё не было,

да и теперь ружьё в моей охоте необязательно.

Моя охота была и тогда, и теперь — в находках. Нужно было найти в природе такое, чего я ещё не видел, и, может быть, и никто ещё в своей жизни с этим не встречался.

Перепёлку-самку надо было поймать силками такую, чтобы она лучше всех подзывала самца, а самца поймать сетью самого голосистого. Соловья молодого надо было кормить муравьиными яичками, чтобы потом пел лучше всех. А поди-ка найди такой муравейник да ухитрись набить мешок этими яйцами, а потом отманить муравьёв на ветки от своих драгоценных яичек.

Хозяйство моё было большое, тропы бесчисленные.

Мои молодые друзья! Мы хозяева нашей природы, и она для нас кладовая солнца с великими сокровищами жизни. Мало того, чтобы сокровища эти охранять, их надо открывать и показывать.

Для рыбы нужна чистая вода — будем охранять наши водоёмы. В лесах, степях, горах разные ценные животные — будем охранять наши леса, степи, горы.

Рыбе — вода, птице — воздух, зверю — лес, степь, горы. А человеку нужна родина. И охранять природу — значит охранять родину.

Выскочка

Наша охотничья собака, лайка, приехала к нам с берегов Бии, и в честь этой сибирской реки так и назвали мы её Бией. Но скоро эта Бия почему-то у нас превратилась в Бьюшку, Бьюшку все стали звать Вьюшкой. Мы с ней мало охотились, но она прекрасно служила у нас сторожем при машине. Уйдёшь на охоту — и будь уверен: Вьюшка не пустит в машину врага.

Раз было, пришли мы с охоты, стали разводить машину, а Вьюшку пустили погулять. Весёлая собачка эта Вьюшка, всем нравится: ушки — как рожки, хвостик колечком, зубки беленькие, как чеснок. Достались ей от обеда две косточки. Получая подарок, Вьюшка развернула колечко своего хвоста и опустила его вниз поленом. Это у неё означало тревогу и начало бдительности, необходимой для защиты, — известно, что в природе на кости есть много охотников. С опущенным хвостом Вьюшка вышла на траву-муравy и занялась одной косточкой, другую же положила рядом с собой.

Тогда откуда ни возьмись сороки — скок-скок — и к самому носу собаки. Когда же Вьюшка повернула голову к одной, — хвать! — другая сорока с другой стороны — хвать! — и унесла косточку.

Дело было поздней осенью, и сороки вывода этого лета были совсем взрослые. Держались они тут всем выводком, в семь штук, и от своих родителей постигли все тайны воровства. Очень быстро они оклевали украденную косточку и недолго думая собрались отнять у собаки вторую.

Говорят, что в семье не без урода, то же оказалось и в сорочьей семье. Из семи сорок одна вышла не то чтобы совсем глупенькая, а как-то с заскоком и с пыльцой в голове. Вот сейчас то же было: все шесть сорок повели правильное наступление, большим полукругом, поглядывая друг на друга, и только одна Выскочка поскакала дуром.

— Тра-та-та-та-та! — застрекотали все сороки.

Это у них значило:

— Скачи назад, скачи как надо, как всему сорочьему обществу надо.

— Тра-ля-ля-ля-ля! — ответила Выскочка.

Это у неё значило:

— Скачите как надо, а я — как мне самой хочется.

Так за свой страх и риск Выскочка подскакала к самой Вьюшке в том расчёте, что Вьюшка, глупая, бросится на неё, выбросит кость, она же изловчится и кость унесёт.

Вьюшка, однако, замысел Выскочки хорошо поняла и не только не бросилась на неё, но, заметив Выскочку косым глазом, освободила кость и поглядела в противоположную сторону, где правильным полукругом, как бы нехотя — скок! и подумают — наступали шесть умных сорок.

Вот это мгновение, когда Вьюшка отвернула голову, Выскочка улучила для своего нападения. Она схватила кость и даже успела повернуться

в другую сторону, успела ударить по земле крыльями, поднять пыль из-под травы-муравы. И только бы ещё одно мгновение, чтобы подняться на воздух, только бы одно мгновеньишко! Вот только-только бы подняться сороке, как Вьюшка схватила её за хвост — и кость выпала…

Выскочка вырвалась, но весь радужный длинный сорочий хвост остался у Вьюшки в зубах и торчал из пасти её длинным острым кинжалом.

Видел ли кто-нибудь сороку без хвоста? Трудно даже вообразить, во что превращается эта блестящая, пёстрая и проворная воровка яиц, если ей оборвать хвост. Бывает, деревенские озорные мальчишки поймают слепня, воткнут ему в зад длинную соломинку и пустят эту крупную сильную муху лететь с таким длинным хвостом, — гадость ужасная! Ну, так вот, это — муха с хвостом, а тут — сорока без хвоста: кто удивился мухе с хвостом, ещё больше удивится сороке без хвоста. Ничего сорочьего не остаётся тогда в этой птице, и ни за что в ней не узнаешь не только сороку, а и какую-нибудь птицу: это просто шарик пёстрый с головкой.

Бесхвостая Выскочка села на ближайшее дерево, все другие шесть сорок прилетели к ней. И было видно по всему сорочьему стрекотанью,

по всей суете, что нет в сорочьем быту большего сраму, как лишиться сороке хвоста.

Осеннее утро

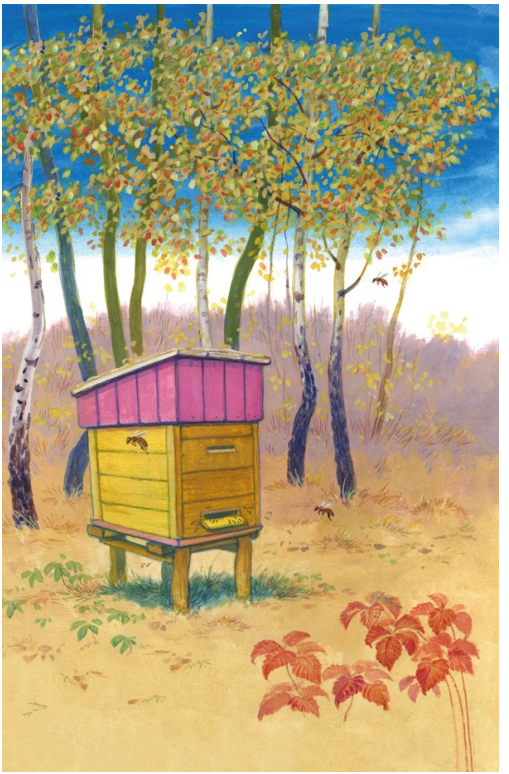
Листик за листиком падают с липы на крышу, какой листик летит парашютиком, какой мотыльком, какой винтиком. А между тем малопомалу день открывает глаза, и ветер с крыши поднимает все листья, и летят они к реке куда-то вместе с перелётными птичками.

Тут стоишь себе на берегу, один, ладонь к сердцу приложишь и душой вместе с птичками и листьями куда-то летишь.

И так-то бывает грустно, и так хорошо, и шепчешь тихонько:

— Летите, летите!

Так долго день пробуждается, что, когда солнце выйдет, у нас уже обед. Мы радуемся хорошему тёплому дню, но уже больше не ждём летящей паутинки бабьего лета: все разлетелись, и вот-вот журавли полетят, а там гуси, грачи — и всё кончится.

Этажи леса

У птиц и зверьков в лесу есть свои этажи: мышки живут в корнях, в самом низу; разные птички вроде соловья вьют свои гнёздышки прямо на земле; дрозды — ещё повыше, на кустарниках; дупляные птицы — дятел, синички, совы — ещё повыше; на разной высоте по стволу дерева и на самом верху селятся хищники: ястреба и орлы.

Мне пришлось однажды наблюдать в лесу, что у них, зверушек и птиц, с этажами не как у нас в небоскрёбах: у нас всегда можно с кем-нибудь перемениться этажами, у них каждая порода живёт непременно в своём этаже.

Однажды на охоте мы пришли к полянке с погибшими берёзами. Это часто бывает, что берёзы дорастут до какого-то возраста и засохнут.

Другое дерево, засохнув, роняет на землю кору, и оттого непокрытая древесина скоро гниёт и всё дерево падает; у берёзы же кора не падает, эта смолистая, белая снаружи кора — берёста — бывает непроницаемым футляром для дерева, и умершее дерево долго стоит, как живое.

Даже когда и сгниёт дерево и древесина пре-

вратится в труху, отяжелённую влагой, с виду белая берёза стоит, как живая. Но стоит, однако, хорошенько толкнуть такое дерево, как вдруг оно разломится всё на тяжёлые куски и падает. Валить такие деревья — занятие очень весёлое, но и опасное: куском дерева, если не увернёшься, может здорово хватить тебя по голове. Но всё-таки мы, охотники, не очень боимся, и когда попадаем к таким берёзам, то друг перед другом начинаем их рушить.

Так пришли мы к полянке с такими берёзами и обрушили довольно высокую берёзу. Падая, в воздухе она разломилась на несколько кусков, и в одном из них было дупло с гнездом гаечки. Маленькие птенчики при падении дерева не пострадали, только вместе со своим гнёздышком вывалились из дупла. Голые птенцы, покрытые перышками, раскрывали широкие красные рты и, принимая нас за родителей, пищали и просили у нас червячка. Мы раскопали землю, нашли червячков, дали им перекусить; они ели, глотали и опять пищали.

Очень скоро прилетели родители, гаечки-синички, с белыми пухлыми щёчками и с червячками во ртах сели на рядом стоящих деревьях.

— Здравствуйте, дорогие, — сказали мы им, —

вышло несчастье: мы этого не хотели.

Гаечки ничего не могли нам ответить, но, самое главное, не могли понять, что такое случилось, куда делось дерево, куда исчезли их дети.

Нас они нисколько не боялись, порхали с ветки на ветку в большой тревоге.

— Да вот же они! — показывали мы им гнездо на земле. — Вот они, прислушайтесь, как они пищат, как зовут вас!

Гаечки ничего не слушали, суетились, беспокоились и не хотели спуститься вниз и выйти за пределы своего этажа.

— А может быть, — сказали мы друг другу, — они нас боятся. Давай спрячемся! — И спрятались.

Нет! Птенцы пищали, родители пищали, порхали, но вниз не спускались.

Мы догадались тогда, что у птичек не как у нас в небоскрёбах, они не могут перемениться этажами: им теперь просто кажется, что весь этаж с их птенцами исчез.

— Ой-ой-ой, — сказал мой спутник, — ну какие же вы дурачки!..

Жалко стало и смешно: такие славные и с крылышками, а понять ничего не хотят.

Тогда мы взяли тот большой кусок, в котором

находилось гнездо, сломили верх соседней березы и поставили на него наш кусок с гнездом как раз на такую высоту, на какой находился разрушенный этаж. Нам недолго пришлось ждать в засаде: через несколько минут счастливые родители встретили своих птенчиков.

Лисичкин хлеб

Однажды я проходил в лесу целый день и под вечер вернулся домой с богатой добычей. Снял с плеч тяжёлую сумку и стал своё добро выкладывать на стол.

— Это что за птица? — спросила Зиночка.

— Терентий, — ответил я.

И рассказал ей про тетерева: как он живёт в лесу, как бормочет весной, как берёзовые почки клюёт, ягодки осенью в болотах собирает, зимой греется от ветра под снегом. Рассказал ей тоже про рябчика, показал ей — что серенький, с хохолком, и посвистел в дудочку по-рябчиному и ей дал посвистеть. Ещё я высыпал на стол много белых грибов, и красных, и чёрных. Ещё у меня была в кармане кровавая ягода костяника, и голубая черника, и красная брусника. Ещё я принёс с собой ароматный комочек сосновой смолы, дал понюхать девочке и сказал, что этой смолкой деревья лечатся.

— Кто же их там лечит? — спросила Зиночка.

— Сами лечатся, — ответил я. — Придёт, бывает, охотник, захочется ему отдохнуть, он и воткнёт

топор в дерево и на топор сумку повесит, а сам ляжет под деревом. Поспит, отдохнёт. Вынет из дерева топор, сумку наденет, уйдёт. А из ранки от топора из дерева побежит эта ароматная смолка и ранку эту затянет.

Тоже, нарочно для Зиночки, принёс я разных чудесных трав по листику, по корешку, по цветочку: кукушкины слёзки, валерьянка, петров крест, заячья капуста.

И как раз под заячьей капустой лежал у меня кусок чёрного хлеба: со мной это постоянно бывает, что когда не возьму хлеба в лес — голодно, а

возьму — забуду съесть и назад принесу. А Зиночка, когда увидала у меня под заячьей капустой чёрный хлеб, так и обомлела:

— Откуда же это в лесу взялся хлеб?

— Что же тут удивительного? Ведь есть же там капуста!

— Заячья…

— А хлеб — лисичкин. Отведай.

Осторожно попробовала и начала есть:

— Хороший лисичкин хлеб!

И съела весь мой чёрный хлеб дочиста. Так и пошло у нас: Зиночка, копуля такая, часто и белый-то хлеб не берёт, а как я из лесу лисичкин хлеб принесу, съест всегда его весь и похвалит:

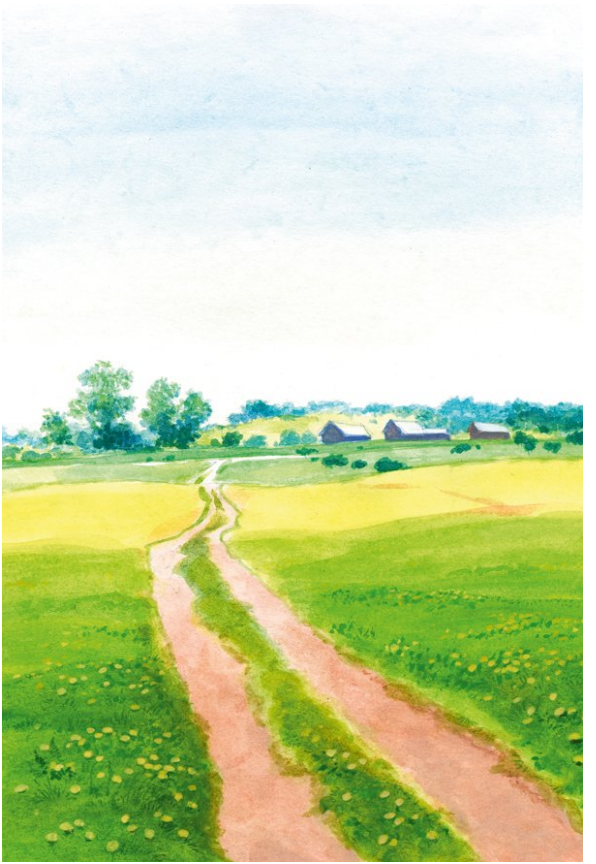
— Лисичкин хлеб куда лучше нашего!

Золотой луг

У нас с братом, когда созревают одуванчики, была с ними постоянная забава. Бывало, идём куда-нибудь на свой промысел — он впереди, я в пяту.

«Серёжа!» — позову я его деловито. Он оглянется, а я фукну ему одуванчиком прямо в лицо. За это он начинает меня подкарауливать и тоже, как зазеваешься, фукнет. И так мы эти неинтересные цветы срывали только для забавы. Но раз мне удалось сделать открытие.

Мы жили в деревне, перед окном у нас был луг, весь золотой от множества цветущих одуванчиков. Это было очень красиво. Все говорили: «Очень красиво! Луг золотой». Однажды я рано встал удить рыбу и заметил, что луг был не золотой, а зелёный. Когда же я возвращался около полудня домой, луг был опять весь золотой. Я стал наблюдать. К вечеру луг опять позеленел. Тогда я пошёл, отыскал одуванчик, и оказалось, что он сжал свои лепестки, как всё равно если бы у нас пальцы со стороны ладони были жёлтые и, сжав в кулак, мы закрыли бы жёлтое. Утром, когда солнце взошло, я видел, как одуванчики раскрывают свои ладони, и от этого луг становится опять золотым.

С тех пор одуванчик стал для нас одним из самых интересных цветов, потому что спать одуванчики ложились вместе с нами, детьми, и вместе с нами вставали.

Филин

Ночью злой хищник филин охотится, днём прячется. Говорят, будто днём он плохо видит и оттого прячется. А по-моему, если бы он и хорошо видел, всё равно ему бы днём нельзя было никуда показаться — до того своими ночными разбоями нажил он себе много врагов.

Однажды я шёл опушкой леса. Моя небольшая охотничья собачка, породою спаниель, а по прозвищу Сват, что-то причуяла в большой куче хвороста. Долго с лаем бегал он вокруг кучи, не решаясь подлезть под неё.

— Брось! — приказал я. — Это ёж.

Так у меня собачка приучена: скажу «ёж», и Сват бросает.

Но в этот раз Сват не послушался и с ожесточением бросился на кучу и ухитрился подлезть под неё.

«Наверно, ёж», — подумал я.

И вдруг с другой стороны кучи, под которую подлез Сват, из-под неё выбегает на свет филин, ушастый и огромных размеров, и с огромными кошачьими глазами.

Филин на свету — это огромное событие в птичьем мире. Бывало, в детстве приходилось попадать в тёмную комнату — чего-чего там не покажется в тёмных углах, и больше всего я боялся чёрта. Конечно, это глупости, и никакого чёрта нет для человека. Но у птиц, по-моему, чёрт есть — это их ночной разбойник филин. И когда филин выскочил из-под кучи, то это было для птиц всё равно, как если бы у вас на свету чёрт показался.

Единственная ворона была, пролетала, когда

филин, согнувшись, в ужасе перебегал из-под кучи под ближайшую ёлку. Ворона увидела разбойника, села на вершину этой ёлки и крикнула совсем особенным голосом:

— Кра!

До чего это удивительно у ворон! Сколько слов нужно человеку, а у них одно только «кра» — на все случаи, и в каждом случае это словечко, всего только в три буквы, благодаря разным оттенкам звука означает разное. В этом случае воронье «кра» означало, как если бы мы в ужасе крикнули:

— Чёр-р-р-р-рт!

Страшное слово прежде всего услыхали ближайшие вороны и, услыхав, повторили, и более отдалённые, услыхав, тоже повторили, и так в один миг несметная стая, целая туча ворон с криком: «Чёрт!» — прилетела и облепила высокую ёлку с верхнего сучка до нижнего.

Услыхав переполох в вороньем мире, тоже со всех сторон прилетели галки чёрные с белыми глазами и сойки бурые с голубыми крыльями, ярко-жёлтые, почти золотые иволги. Места всем не хватило на ёлке, много соседних деревьев покрылось птицами, и всё новые и новые прибывали: синички, гаечки, московки, трясогузки, пеночки,

зорянки и разные подкрапивнички.

В это время Сват, не понимая, что филин давно уже выскочил из-под кучи и прошмыгнул под ёлку, всё там орал и копался под кучей. Вороны и все другие птицы глядели на кучу, все они ждали Свата, чтобы он выскочил и выгнал филина из-под ёлки.

Но Сват всё возился, и нетерпеливые вороны кричали ему слово:

— Кра!

В этом случае это означало просто:

— Дурак!

И наконец, когда Сват причуял свежий след, вылетел из-под кучи и, быстро разобравшись в следах, направился к ёлке, все вороны в один общий голос опять крикнули по-нашему:

— Кра!

А по-ихнему это значило:

— Правильно!

И когда филин выбежал из-под ёлки и стал на крыло, опять вороны крикнули:

— Кра!

И это теперь значило:

— Брать!

Все вороны поднялись с дерева, вслед за воронами все галки, сойки, иволги, дрозды, вертишейки, трясогузки, щеглы, синички, гаечки, московочки, и все эти птицы помчались тёмной тучей за филином, и все орали одно только:

— Брать, брать, брать!

Я забыл сказать, что, когда филин становился на крыло, Сват успел-таки вцепиться зубами в хвост, но филин рванулся, и Сват остался с филиновыми перьями и пухом в зубах.

Озлобленный неудачей, он помчался полем за филином и первое время бежал, не отставая

от птиц.

— Правильно, правильно! — кричали ему некоторые вороны.

И так вся туча птиц скоро скрылась на горизонте, и Сват тоже исчез за перелеском. Чем всё кончилось, не знаю.

Сват вернулся ко мне только через час с филиновым пухом во рту.

И ничего не могу сказать, тот ли это пух у него

остался, который взял он, когда филин на крыло становился, или же птицы доконали филина и Сват помогал им в расправе со злодеем.

Что не видал, то не видал, а врать не хочу.

Белый ожере́лок[9]

Слышал я в Сибири, около озера Байкал, от одного гражданина про медведя и, признаюсь, не поверил. Но он меня уверял, что об этом случае в старое время даже в сибирском журнале было напечатано под заглавием: «Человек с медведем против волков».

Жил на берегу Байкала один сторож, рыбу ловил, белок стрелял. И вот раз будто бы видит в окошко этот сторож: бежит прямо к избе большой медведь, а за ним гонится стая волков. Вот-вот бы и конец медведю… Он, мишка этот, не будь плох, в сени, дверь за ним сама закрылась, а он ещё на неё лапу и сам привалился. Старик, поняв это дело, снял винтовку со стены и говорит:

— Миша, Миша, подержи!

---

[9] Notes: 9
Ожере́лок — воротник (*диал.*).

Волки лезут на дверь, а старик выцеливает волка в окно и повторяет:

— Миша, Миша, подержи!

Так убил одного волка, и другого, и третьего, всё время приговаривая:

— Миша, Миша, подержи…

После третьего стая разбежалась, а медведь остался в избе зимовать под охраной старика. Весной же, когда медведи выходят из своих берлог, старик будто бы надел на этого медведя белый ожерелок и всем охотникам наказал, чтобы медведя этого — с белым ожерелком — никто не стрелял: этот медведь — его друг.

Беличья память

Сегодня, разглядывая на снегу следы зверушек и птиц, вот что я по этим следам прочитал: белка пробилась сквозь снег в мох, достала там с осени спрятанные два ореха, тут же их съела — я скорлупки нашёл. Потом отбежала десяток метров, опять нырнула, опять оставила на снегу скорлупу и через несколько метров сделала третью полазку.

Что за чудо? Нельзя же подумать, чтобы она чуяла запах ореха через толстый слой снега и льда. Значит, помнила с осени о своих орехах и точное расстояние между ними.

Но самое удивительное — она не могла отмеривать, как мы, сантиметры, а прямо на глаз с точностью определяла, ныряла и доставала. Ну как было не позавидовать беличьей памяти и смекалке!

